

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В САРАТОВСКОМ ГАЛКИНСКОМ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
ПРИЮТЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
(ПО ОТЧЕТУ 1876–1877 ГГ.)**

Аннотация: статья посвящена применению сельскохозяйственного труда для исправления несовершеннолетних правонарушителей в Саратовском Галкинском Учебно-исправительном приюте для несовершеннолетних правонарушителей. Сообщаются данные о видах сельскохозяйственного труда, об участии в нем воспитанников приюта и преподавательского состава, количестве собранного урожая, расширении посевных площадей приюта, деятельности губернатора Саратовской губернии М.Н. Галкина-Враского.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, М.Н. Галкин-Враской, воспитательно-исправительные заведения, сельскохозяйственный труд как средство исправления несовершеннолетних правонарушителей.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «галкинским» в честь своего основателя» [2, с. 225], [4, с. 312].

М.Н. Галкин-Враской – основатель и в течение ряда лет, с 1879 по 1896 гг., руководитель Главного Тюремного управления Российской империи. До назначения на эту должность, с 1871 по 1878 гг. Галкин-Враской был саратовским губернатором.

В одном из заседаний Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета, происходившем 21 октября 1871 г., губернатор Саратовской губернии М.Н. Галкин-Враской обратился к собранию членов-директоров комитета со следующими словами: «При открытии, в прошлом июле, тамбовско-саратовской железной дороги, строители ее представили в мое распоряжение, для общепольного употребления, три тысячи рублей. Одновременно же с этим последовало открытие новых судов в Саратовском судебном округе. Такое случайное совпадение сделанного пожертвования с открытием в нашем крае новых судов возбудило во мне мысль обратить означенный капитал на учреждение, успех которого тесно связан с деятельностью новых судов, а именно – на исправительный приют для несовершеннолетних преступников» [1, с. 1].

Весной, летом и осенью, воспитанники и воспитанницы приюта, после классных учебных занятий, «занимались преимущественно сельским хозяйством, включая сюда полевые работы по посеву и уборке зерновых хлебов и сена, затем садоводство и огородничество» [3, с. 18].

Этого рода работам, как и прежде, было дано «предпочтительное пред всеми другими развитие на тех основаниях, какие были выработаны прежде и в свое время подробно изложены в предыдущих отчетах приюта. Этими работами занимались без исключения все воспитанники и воспитанницы» [3, с. 18].

Еще в предыдущем отчетном году «правлением приюта было признано полезным и даже необходимым расширить сельскохозяйственные операции приюта и поставить это дело более прочно, серьезно; с этой целью и был арендован у города Саратова участок пахотной земли в 322 десятины» [3, с. 18].

С участком распорядились таким образом: «третья часть его, согласно заключенного с саратовской городской управой контракта, была оставлена под

пар; часть (до 20 десятин хозяйства) – под сенокос; 20 десятин (хозяйства) оставлено для собственного посева; остальное количество сдано разным лицам под посев хлебов на лето 1877 года. Для собственного посева оставлено было 20 хозяйственных десятин потому, что рассчитывали только такое количество обработать, засеять и убрать собственными силами, не прибегая к найму рабочих, так чтобы и при расширении хозяйственных операций соблюсти тот основной, раз навсегда установленный принцип – делать только то, на что есть в наличность собственные силы и средства, и всякое дело вести в таких размерах, чтобы собственных сил было достаточно» [3, с. 19].

Важность соблюдения этого принципа «как в воспитательном, так и в чисто практическом смысле была доказана практикой предыдущих лет. Правда, на лето нанят был работник, но он предназначался преимущественно для ухода за скотом и присмотра за всякого рода рабочей сбруей, так как существовавший всегда дворник, исполнявший постоянно и должность кучера, а потому нередко отлучавшийся из приюта, за всем усмотреть не мог» [3, с. 19].

Таким образом, большая часть работы, по необходимости, «должна была пасть на долю воспитанников. Понятно, что при этом нужно было иметь и собственный рабочий скот, и собственные земледельческие орудия. Опыты прошлого года убедили, что двуконный плуг системы Рансом – весьма подходящее для воспитанников приюта земледельческое орудие. Поэтому в настоящем году был куплен еще один такой плужок» [3, с. 20].

Было куплено пять рабочих лошадей – «и воспитанники принялись за пашню. Плужки в этом году научились прилаживать так удачно, что работа ими оказалась до нельзя легкой: все, что требовалось от пахаря – это только поддерживать плуг, чтобы он не сваливался в сторону, на что требовалось очень незначительная физическая сила, да наблюдать, чтобы лошади шли правильно, не сбиваясь с борозды» [3, с. 20].

При такой постановке дела «13–14-ти летние дети вспахали этим плужком почти все, назначенные для своего посева 20 десятин, если уже не совершенно легко, то во всяком случае без особенно сильного напряжения сил. Боронование

производилось железной бороной Говарда, а посев – сеялкой Эккера, который весьма любезно снабдил приют на время работы бесплатно комиссионер Саратовского сельскохозяйственного съезда господин Эрт» [3, с. 20].

Таким образом вся обработка земли и посев были «произведен усовершенствованными орудиями, что несомненно имело хорошее образовательное влияние на воспитанников. Этими орудиями работала большая часть воспитанников попеременно, что делалось, во первых, для практического ознакомления воспитанников как с самими орудиями, так и со способами производства посредством таковых работ; во вторых, в видах возможно более равномерного распределения труда между всеми членами семьи; в третьих, наконец, – для более разностороннего развития физических сил детей» [3, с. 20].

Посеяно было: «овса – 7 десятин, ячменя – 6 десятин, пшеницы – десятин, проса – 1 ½ десятины, картофеля – ½ десятины, итого – 20 десятин» [3, с. 20].

Новые, вначале совершенно незнакомые детям орудия, «неуменье с ними обращаться, постоянно переменные при этом пахари – дети – и к тому же большинство пахали то в первый раз, – наконец и непривычка лошадей к работе плугом, – все эти обстоятельства, вместе взятые, произвели некоторые неблагоприятные влияния как на качество работы, так и на успешность ее: в пашне попадались огрехи – и самый посев и пашня затянулись надолго, так что несколько десятин были засеяны уже весьма поздно и дали урожай, несмотря на благоприятный год, только посредственный, хотя в общем, как увидим ниже, труд был достаточно вознагражден» [3, с. 20].

Почти вслед за посевом «яровых хлебов начали парить землю под посев озимой ржи, причем работам производилась опять самими воспитанниками, посредством тех же плужков Рансома; только на этот раз работа была уже несколько потяжелее, во первых, потому что пришлось распахивать 2–3-летние залежи, во вторых – земля в это время была суше, чем во время ярового посева, в третьих – пахать нужно было глубже. Но тем не менее и эта работа была выполнена воспитанниками без особых затруднений. Паров было поднято 12 хозяйственных десятин» [3, с. 20–21].

В это время подоспели и покосы: «для самой косьбы рабочие были наняты со стороны; такое отступление от общего правила было всегда допускаемо, но невозможности выполнить эту работу силами воспитанников; уборка же сена была произведена собственными силами. Сена собрано до 200 возов, полагая каждый в 20 пуд» [3, с. 21].

«Жнитво» и уборка «зерновых хлебов» исполнены были «исключительно собственными силами, при помощи жатвенной машины Самуэльсона, которой снабдил также господин Эрт на время работы – и тоже бесплатно, что, собственно говоря, и дало возможность обойтись без посторонней помощи во время жнитва, так как это дело, трудное само по себе, и притом требующее навыка, должно быть сделано в определенный срок» [3, с. 21].

Жали машиной хлеб – «смотритель, воспитатель и его помощник; поручить воспитанникам такую сложную, громоздкую, дорогую машину, да и при том же еще чужую – было рискованно; поэтому ограничивались только тем, что воспитанники и воспитанницы вязали в сноп сжатый машиной хлеб и затем мальчики поочередно дежурили у машины, в качестве помощников смотрителей и воспитателей; самым важным для них было: участие их в разборке, смазке и чистке машины, что производилось обязательно каждый день; это дало возможность большинству их достаточно подробно ознакомиться не только с самой работой жнец, но и с ее устройством» [3, с. 21–22].

По окончании «жнитва», сеяли озимую рожь – «запашка семян производилась также плужками Рансома, которые при этом устанавливались несколько иначе, чем для обыкновенной пашни. Ведя дело совершенно правильно, нужно бы для этой работы употребить другое орудие, прямо к ней приспособленное; в настоящее время имеется много и весьма разнообразных такого рода орудий; но приют на этот раз должен был обойтись без них, по неимению материальных средств; и без того в этом году было много затрачено на расширение хозяйства» [3, с. 21–22].

Перевозка хлеба на гумно и молотба его производилась также исключительно собственными силами приюта.

В отчете также сообщалось, что, «к сожалению, господин Эрт не мог снабдить приют, как в прошлом году, конной молотилкой: все были распроданы; взамен этого он дал было ручную молотилку, но вскоре и она была продана – и мы, обмолотивши небольшую часть хлеба машиной, остальное должны были молотить лошадьми. Вейлка, которой ссудил было господин Эрт, тоже вскоре была продана, а потому и пришлось обратиться к первобытному способу веяния» [3, с. 21–22].

Вообще тотчас «почти после жнитва пришлось бороться со множеством неудобств и затруднений. Посев ржи, отнявший на эту работу лошадей, лишил возможности быстро перевезти хлеб на гумно и сложить там его в одонья, а затем начались дожди, заставшие большую часть хлеба в поле; дожди, как известно, продолжались слишком месяц, с весьма малыми перерывами – и хлеб нельзя было убирать с поля, отчего часть хлеба попортилась, несколько даже совсем пропало» [3, с. 22].

В результате получилось следующее: «намолочено: овса – 45 четвертей, пшеницы – 25 четвертей, ячменей – 52 четвертей, проса – 120 пудов» [3, с. 22].

Третья часть арендуемого участка, «оставленная под пар, до посева ржи служила отчасти для сенокоса, а главным образом пастбищем для скота. Собственного стада приют не имеет, – есть только три коровы, несколько телят, один жеребенок. Но для того, чтобы паровая земля вытаптывалась (толока) и отчасти удобрялась, было образовано стадо из приемного скота: приют принимал для пастьбы во все лето молодой рогатый скот и жеребят от жителей города Саратова, с платою по 2 рубля 50 копеек и по 3 рубля в лето с каждой головы. Всего было набрано до 60 голов» [3, с. 22].

На собранные за них деньги был нанят пастух и подпасок; «устроена для них землянка; для поила скота в жаркое время, когда озерки по Гуселке (река – М.Л.), был устроен колодец и приобретены колоды» [3, с. 22].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Несомненно, что занятия сельскохозяйственным трудом играло роль обучающего и исправляющего фактора для воспитанников приюта. Часть урожая продавалась, что помогало

финансировать приют, а часть попадало на стол воспитанникам. Кроме того, обучение различным видам сельскохозяйственных работ помогало воспитанников в дальнейшей жизни, после выхода из воспитательно-исправительного заведения.

Список литературы

1. Воскобойников Н.Я. О приютах для несовершеннолетних преступников в связи с кратким историческим очерком мест заключения вообще / Н.Я. Воскобойников. – Саратов: Тип. Саратовского справ. листка, 1873.
2. Диомидов И.М. Саратовский галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
3. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1876–77 год. (С 30 сентября 1876 года по 30 сентября 1877 года). – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1878.
4. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882.